

18+

Владимир Иванов

НЕ ТА СПЕЦИАЛЬНОСТЬ

18+

Владимир Иванов

Не та специалностъ

«Автор»

2026

Иванов В. В.

Не та специальность / В. В. Иванов — «Автор», 2026

Сергей Петрович — мужчина в расцвете сил, ему 46 лет. По профессии он инженер электронщик и программист. Когда началась специальная военная операция, Сергей Петрович принял решение уйти служить по контракту — на год, как тогда казалось. Он руководствовался чувством долга, но время шло, а возвращение всё откладывалось: годы тянулись один за другим. В армии система словно не замечала его квалификации: вместо того чтобы использовать богатый профессиональный опыт, людей бросали туда, где не хватало рук, — затыкали «дыры». Эффективность терялась, а человеческие судьбы ломались. Сергей Петрович искренне хотел приносить пользу, но его навыки оказывались не востребованы там, где они были нужны. Написанная им программа из инструмента для карьерного роста превратилась в нечто большее — в способ восстановить справедливость и вернуть людям то, что им по праву положено. Теперь финансовая служба стала для героя полем битвы, только оружием здесь служили не стволы, а цифры, логика и строки кода.

© Иванов В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
1.1. Прощание и мотив	6
1.2. Сборный пункт и первые сомнения	8
1.3. Учебка: командир БМ-21 «Град»	10
1.4. Первый год: миномёт на УАЗе и штурмовики	12
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Владимир Иванов

Не та специальность

ИВАНОВ ВЛАДИМИР

НЕ ТА

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ

ПОВЕСТЬ

АСТРАХАНЬ

2026

Сила — это не только в том, чтобы идти вперёд, несмотря ни на что. Сила — ещё и в том, чтобы замечать мелочи. Потому что именно в мелочах — в одной дате, в одной букве, в одной подписи — часто прячется чья-то судьба.

Владимир Иванов

Глава 1

1.1. Прощание и мотив

Утро было серым и каким-то будничным — ни ветра, ни дождя, ни особой торжественности, будто родное село просто не хотело мешать Сергею Петровичу уходить. На кухне пахло кофе и чем-то домашним, давно привычным: жена Нина всегда жарила по утрам тонкие ломтики хлеба с яйцом, даже когда это казалось мелочью. Сергей Петрович стоял у стола, перекидывал вещи из одной стопки в другую, будто пытался навести порядок в том, что уже нельзя было упорядочить.

На стуле лежала армейская сумка — грубая, тёмно оливковая, с жёсткими лямками. Рядом — его личные вещи, которые он упрямо брал с собой, словно они могли сохранить ему прежнюю жизнь. Мультиметр — старый, с потёртой резиновой окантовкой, купленный ещё в студенчестве. Пара плат, которые он когда-то паял для университетского проекта и так и не выбросил. Блокнот в твёрдой обложке, где на первых страницах — формулы, дальше — обрывки идей для программ, а ближе к концу — просто списки дел, которые он так и не успел закрыть. И флешка, самая обычная, чёрная, без надписей. На ней — скрипты, которые он писал для завода: утилиты для сбора статистики, парсеры отчётов, пара тестовых алгоритмов. «На всякий случай», — пробормотал он себе под нос, убирая её в карман сумки.

Нина стояла у окна, смотрела на улицу, где редкие машины проезжали мимо, как будто спешили куда-то, где всё было проще. Она не оборачивалась, но Сергей Петрович знал: она прислушивается к каждому его движению, к каждому шороху.

— Ты не для этого учился, — сказала она наконец, не поворачиваясь. Голос был ровным, без упрёка, но в нём слышалась усталость — та самая, которая копится неделями, когда ждёшь и боишься одновременно.

Сергей Петрович замер, держа в руках блокнот. Он хотел сказать что-то громкое, правильное, такое, чтобы сразу всё объяснило. Но вместо этого ответил тихо, почти буднично:

— Родина попросила. Я не могу сказать «нет».

Это не было пафосом. Для него это была простая норма — как не пройти мимо человека, которому стало плохо, как починить сломанный лифт в подъезде, если умеешь. Он не считал это подвигом. Просто так было правильно.

Сын, Артём, сидел на диване, уткнувшись в телефон. Ему было шестнадцать — возраст, когда всё кажется слишком сложным, чтобы говорить об этом вслух. Он поднял глаза, когда отец подошёл попрощаться, и вдруг резко встал, будто ему стало неловко сидеть.

— Пап, а ты точно на год? — спросил он, глядя куда-то в сторону, чтобы не встречаться взглядом. — Просто... ну, говорят, всякое бывает.

Сергей Петрович присел рядом, положил руку ему на плечо — чуть тяжелее, чем обычно, чтобы сын почувствовал: он здесь, он настоящий.

— Точно, — сказал он уверенно, хотя внутри что-то дрогнуло. — Год — и вернусь. Буду опять схемы собирать, код писать. Может, тебе покажу, как простой скрипт сделать.

Артём кивнул, будто принимая этот ответ, хотя в глазах читалось сомнение.

В прихожей Сергей Петрович задержался у зеркала. Форма сидела непривычно, жёстко, будто пыталась перекроить его под кого-то другого. В этот момент он вдруг остро почувствовал, что уходит не просто из дома, а из той жизни, где его профессия была главным языком, на котором он говорил с миром. Инженер, программист — эти слова определяли его: как он думает, как решает проблемы, как видит порядок в хаосе.

Когда они вышли во двор, Нина наконец повернулась к нему. В её глазах были слёзы, но она не плакала — просто смотрела, будто хотела запомнить каждую черту, каждую морщинку, каждый жест.

— Только будь осторожен, — сказала она. — Не лезь туда, куда не надо. Ты у нас один такой.

Он улыбнулся — коротко, чтобы улыбка не выглядела натянутой.

— Я буду осторожен. И я вернусь.

Таксист подъехал к дому и открыл багажник. Сергей Петрович положил свои вещи и ещё раз оглянулся. Нина стояла, крепко сжав руки, Артём смотрел прямо, будто хотел запомнить отца таким: в форме, с сумкой, спокойным. На секунду стало тихо — как будто весь мир замер, давая ему эту последнюю секунду.

А потом машина уехала, и эта тишина рассыпалась на звуки утреннего села: крик соседских гусей, гудки далёких машин, шум ветра.

Из окна такси Сергей Петрович смотрел на спешащих прохожих, мелькающие дома и вновь посмотрел на свою сумку, на выпирающий угол мультиметра, на флешку в кармане. «Год, — повторил он про себя. — Всего год. А потом — снова схемы, код, мастерская. Всё вернётся».

Но село за окном уже казалось немного чужим, будто готовилось к переменам, к которым Сергей Петрович ещё не был готов.

1.2. Сборный пункт и первые сомнения

С

борный пункт напоминал огромный гулкий ангар: бетонный пол, высокие потолки, эхо от каждого шага. Здесь всё было устроено так, чтобы человек перестал быть собой и стал номером. Вдоль стен тянулись ряды скамеек, на которых сидели мужчины разного возраста — кто-то нервно тербил бирку с личным номером, кто-то молча смотрел в одну точку, будто пытался удержать в голове последние слова, сказанные дома.

Сергей Петрович стоял в строю вместе с остальными, чувствуя, как форма, ещё недавно казавшаяся просто одеждой, постепенно становится чем-то большим — оболочкой, которая диктует, как стоять, куда смотреть, как дышать. Перед строем ходил инструктор — подтянутый, резкий, с лицом, на котором не было ни капли сочувствия. Он говорил короткими фразами, будто отсекал всё лишнее:

— Здесь не спрашивают, кто кем работал. Здесь спрашивают, готов ли ты выполнять приказ. Опыт нужен не для того, чтобы умничать, а для того, чтобы не паниковать и не задавать лишних вопросов.

Рядом с Сергеем Петровичем стоял парень лет двадцати трёх, совсем юный, с ещё не обветренной кожей и взглядом, в котором читался испуг, старательно спрятанный за бравадой. Он шепнул, не поворачивая головы:

— А если я скажу, что у меня диплом инженера, это поможет?

Сергей Петрович чуть повернул голову, насколько позволяла стойка, и тихо ответил:

— Сейчас не поможет. Тут ценят не диплом, а то, сможешь ли ты стоять ровно, когда рядом рванёт.

Юноша сглотнул, кивнул, будто принял это как инструкцию к действию.

Инструктор остановился напротив их шеренги, скользнул взглядом по лицам, задержался на Сергее Петровиче чуть дольше, чем на остальных. Возраст бросался в глаза: в строю почти все были моложе сорока, а ему уже исполнилось сорок шесть.

— Ты, — инструктор ткнул пальцем в сторону Сергея Петровича. — Сколько лет?

— Сорок шесть, товарищ инструктор.

— Работал где?

— Инженер-электронщик, руководил участком на заводе. Писал программы для автоматизации учёта и контроля параметров.

Инструктор хмыкнул, но не с насмешкой, а скорее с оценкой, будто прикидывал, куда такого человека поставить, чтобы он не мешал, но и не пропал зря.

— Опыт, — бросил он, будто это было единственное слово, которое имело значение. — Нам нужны те, кто не будет ныть и задавать лишние вопросы.

Он сделал паузу, оглядывая строй, и продолжил:

— Вы все здесь потому, что страна в вас нуждается. Но не ждите, что вам дадут делать то, чему вы учились. Здесь дают задачи, а не специальности.

Сергей Петрович слушал и чувствовал, как внутри шевелится неловкость, похожая на холод: он привык, что его навыки — это ценность, что умение видеть систему, находить ошибки в логике, автоматизировать рутину — это то, за что его ценят. А здесь это звучало почти как помеха.

После построения их повели на распределение. В небольшом кабинете за столом сидел офицер, перед ним — стопка бумаг и планшет. Он быстро, почти машинально, ставил отметки, распределяя людей по подразделениям.

Когда подошла очередь Сергея Петровича, офицер мельком глянул на анкету, задержался взглядом на графе «специальность», потом поднял глаза:

— Электронщик, программист... У нас тут не IT компания. Но возраст и стаж — это плюс. Нам нужен человек, который не растеряется. Возьмём в расчёт БМ-21. Командиром боевой машины. Обучим на месте.

Сергей Петрович хотел возразить, сказать, что он мог бы быть полезен в другом месте — связис, в ремонте техники, в настройке оборудования, где его знания действительногодились бы. Но слова застряли где-то в горле, потому что он вдруг понял: здесь не обсуждают, здесь назначают. И возражение прозвучало бы не как рациональное предложение, а как попытка выделиться, избежать.

— Есть, товарищ офицер, — ответил он спокойно, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. Офицер кивнул, сделал пометку и уже смотрел на следующего.

Выйдя из кабинета, Сергей Петрович остановился на секунду, чтобы перевести дух. Тот самый юноша, с которым он стоял в строю, догнал его в коридоре.

— Слушай, а правда, что если ты инженер, то тебя поставят туда, где электроника?

Сергей Петрович невесело улыбнулся:

— Похоже, тут решают не по специальности, а по тому, где «дыра».

Парень нахмурился, будто пытался понять эту логику, но она не укладывалась в его картину мира.

— А ты не жалеешь, что пошёл?

Вопрос ударил точно в то место, где сомнения только начинали прорасти. Сергей Петрович подумал о жене, о сыне, о своей мастерской, о недописанном скрипте, который остался на домашнем компьютере. И ответил честно:

— Жалеть буду потом. Сейчас надо просто делать то, что говорят.

Они пошли дальше по коридору, мимо дверей с табличками, мимо людей в форме, мимо объявлений и расписаний, которые казались чужими, как надписи на незнакомом языке. Сергей Петрович чувствовал, как с каждым шагом его прежняя жизнь — с её понятными задачами, логичными алгоритмами и предсказуемыми результатами — остаётся всё дальше позади.

А новая жизнь начиналась здесь, в этом ангаре, в этих коридорах, в этих коротких приказах, где опыт измерялся не количеством строк кода, а способностью стоять ровно, когда рядом рванёт.

1.3. Учебка: командир БМ-21 «Град»

У

чебка располагалась на старом полигоне за городом — бетонные плиты, ржавые ангары, выжженная трава и ветер, который будто специально старался пробраться под каждую складку формы. Воздух пах пылью, соляной пылью и металлом. Здесь не было ничего уютного, ничего «для человека» — только пространство, приспособленное для того, чтобы делать из людей солдат.

Сергея Петровича и ещё несколько десятков человек выстроили перед площадкой, где стояла БМ-21 «Град» — громадная, угловатая, с пакетом направляющих, похожих на стальные соты. Машина выглядела так, будто её проектировали не для того, чтобы она вписывалась в пейзаж, а чтобы доминировать над ним. Рядом с ней инструктор — старший прапорщик Василий Петрович, крепкий, жилистый, с лицом, будто выточенным из камня, и взглядом, который сразу отсекал всё лишнее.

— Вот это, — он хлопнул ладонью по борту машины, — ваша новая жизнь на ближайшие недели. Кто думает, что тут есть место размышлениям, — забудьте. Тут есть место приказам и действиям.

Он обвёл строй глазами, задержался на Сергее Петровиче.

— Ты, — кивнул он, — старше других. Значит, будешь отвечать за дисциплину в расчёте. И командиром машины. Сейчас не спрашивают, кто кем был. Сейчас спрашивают, можешь ли ты сделать так, чтобы эта штука выстрелила туда, куда надо, и чтобы при этом никто не погиб.

Сергей Петрович кивнул. Он не спорил, не пытался объяснить, что его опыт — в другом. Он просто принял задачу, как принимал любую задачу раньше: сначала разобраться, потом действовать.

Первые дни были посвящены тому, чтобы заставить их чувствовать машину не как объект, а как продолжение собственных рук. Их учили ходить вокруг «Града», как вокруг хищника: осторожно, внимательно, замечая каждую деталь.

Инструктор водил их по кругу, тыкал пальцем в узлы:

— Это — гидропривод. Это — механизм наведения. Это — блок управления пуском. Тут нельзя ошибаться. Ошибка здесь — это не «перезапустим и попробуем ещё раз». Ошибка здесь — это чьи-то жизни.

Сергей Петрович слушал и одновременно смотрел на всё как инженер: на соединения, на кабели, на логику работы механизмов. Он замечал, где проводка выглядит изношенной, где контакты потемнели, где гидросистема могла бы работать плавнее, если бы её немного перенастроить. В его голове сами собой выстраивались схемы: «если это, то то», «если сигнал не проходит, значит, обрыв или плохой контакт», «если давление падает, значит, утечка».

Но когда он однажды осторожно спросил инструктора:

— А можно посмотреть электросхему? Или хотя бы понять логику блока управления?

Тот посмотрел на него так, будто услышал что-то неуместное:

— Тебе не логика нужна, тебе нужно знать последовательность действий. Вот порядок подготовки к стрельбе. Вот порядок наведения. Вот порядок пуска. Запомни. Не усложняй.

И протянул ему распечатку — лист с нумерованными пунктами.

Сергей Петрович взял лист, кивнул, но внутри у него шевельнулось что-то похожее на раздражение — не на инструктора, а на саму ситуацию. Он привык, что понимание системы даёт надёжность. А тут надёжность пытались дать через механическое запоминание.

На практических занятиях их гоняли по нормативам: «развёртывание», «наведение», «пуск», «сворачивание». Время засекали, ошибки фиксировали, за каждую неточность следовали дополнительные круги по полигону. Сергей Петрович старался не отставать, но его выдавала не физическая усталость, а желание всё «оптимизировать».

Однажды, когда расчёт торопливо разворачивал машину, он машинально подсказал наводчику:

— Проверь фиксатор. Похоже, он не дошёл до паза.

Наводчик, молодой парень по имени Костя, замер, посмотрел на Сергея Петровича с недоумением:

— Я по инструкции делаю.

— Инструкция не видит, что фиксатор перекошен. Посмотри внимательнее.

Костя посмотрел, нахмурился, потрогал — и правда: фиксатор стоял не так, как должен. Он поправил, и механизм пошёл плавнее.

Старший прапорщик, наблюдавший за этим, подошёл ближе:

— Что тут у вас?

— Фиксатор не доходил. Чуть перекошен был.

Прапорщик прищурился:

— Ты не должен это видеть. Ты должен делать по порядку. Порядок есть порядок. Если каждый будет смотреть и думать, мы тут до вечера стоять будем.

Сергей Петрович сдержался, чтобы не сказать: «А если не смотреть — машина встанет в неподходящий момент». Вместо этого он просто кивнул:

— Есть, товарищ старший прапорщик. Действовать по порядку.

Но вечером, когда все разошлись, он остался у машины ещё на полчаса. Просто стоял, смотрел на неё, трогал узлы, запоминал, как всё устроено. Ему казалось, что если он сможет увидеть эту систему целиком, то сможет сделать её надёжнее.

Через неделю их впервые вывели на учебные стрельбы. Ночь, холодный воздух, запах пороха и металла. «Град» стоял на позиции, расчёт замер в ожидании команды. Сергей Петрович чувствовал, как внутри всё сжалось — не от страха, а от ответственности. Он был командиром, и если что-то пойдёт не так, отвечать будет он.

Когда прозвучала команда «Пуск!», он коротко кивнул наводчику. Тот нажал кнопку. Машина вздрогнула, и над площадкой прокатился тяжёлый, низкий звук — первый залп ушёл в темноту. За ним последовали остальные. Небо на мгновение озарилось вспышками, и снова наступила тишина, нарушаемая только эхом и шипением остывающего металла.

После стрельбы старший прапорщик подошёл к Сергею Петровичу:

— Сработано чётко. Без суеты. Ты держись. Но помни: тут не место для улучшений. Тут место для исполнения.

Сергей Петрович снова кивнул, но про себя подумал: «Исполнение без понимания — это лотерея. Сегодня повезло, а завтра?»

Ночью, лёжа на жёсткой койке в казарме, он достал свой блокнот. На чистой странице начал рисовать схему: как соединяются узлы, где могут быть слабые места, какие параметры стоило бы отслеживать. Потом остановился, закрыл блокнот и убрал его подальше. Здесь это никому не нужно. Здесь нужно просто выполнять.

Но он не мог заставить себя перестать думать как инженер. И это было его главной трудностью: он видел систему, которую можно сделать лучше, но ему не давали её улучшать. Ему давали только исполнять.

В какой-то момент он поймал себя на мысли, которая раньше ему и в голову не приходила: «Может, я и правда не для этого учился. Но если я здесь — значит, я должен сделать так, чтобы это работало как надо. Даже если мне не дают делать это по-своему».

И он решил: пусть не будет улучшений, но будет надёжность. Он будет следить за мелочами, за контактами, за фиксаторами, за тем, что другие пропускают. Он будет тем, кто заметит, что что-то не так — даже если за это его будут одёргивать.

Потому что для него надёжность — это и есть проявление долга.

1.4. Первый год: миномёт на УАЗе и штурмовики

И

х перебрали ночью — без торжественных проводов и без лишних объяснений. Просто прозвучала команда: «По машинам», и через несколько часов они оказались в районе, где воздух был другим: густым от пыли, пропитанным запахом гари и какой-то острой, тревожной напряжённостью. Здесь не было полигона, где можно было ошибиться и начать заново. Здесь ошибка стоила жизни.

Сначала Сергея Петровича оставили в составе расчёта «Града», но машина была неисправна и долгое время приходилось только копать и строить. И в один из дней, когда ему надоело копать и строить, Сергей Петрович стал проситься куда-нибудь, где будет реальная работа, а не копание блиндажей. Так он попал в миномётный расчёт.

Сергей Петрович, привыкший к размеренной работе с микросхемами и строками кода, теперь вслушивался не в гул компьютера, а в свист ветра в щелях кузова «буханки» и в далёкие раскаты, которые становились всё ближе и отчётливее. Командиром миномёта его назначили почти без церемоний — просто ткнули пальцем, показали, кто в расчёте, и сказали: «Держи темп, тут не до долгих объяснений».

Так началась для него, наконец-то, настоящая военная жизнь. УАЗ-«буханка» стал их передвижной крепостью и домом на колёсах. Каждое утро и каждый вечер, когда небо наливалось сумраком, машина выкатывалась на маршрут. Две-три позиции за выезд — не ради показухи, а чтобы не пристрелялись. Они приезжали, быстро разворачивались, отрабатывали цели и тут же срывались с места, оставляя после себя только пыль и эхо выстрелов. Сергей Петрович запоминал ориентиры: поваленное дерево, изгиб дороги, одинокий столб с оборванными проводами — всё это превращалось в координаты, в точки, по которым нужно было бить точно и быстро.

Однажды они прибыли на очередную точку. Всё шло по отработанной схеме: расчёт выскочил, миномёт установили, Сергей Петрович проверил наводку, дал команду на первый выстрел. И не прошло и пяти минут, как рядом, будто в насмешку над их поспешностью, громынуло совсем другое — подъехал «Град». Он отработал по своим целям, выплюнул залп и так же стремительно ушёл, оставив после себя запах гари и ощущение, что теперь они на прицеле.

Сергей Петрович, не дожидаясь лишних слов, рявкнул:

— Вот, сейчас обратка придёт на нас! В укрытие!

Расчёт метнулся к ближайшей ложбине, под заваленные деревья, к чему угодно, что могло хоть на несколько секунд защитить от ответного удара. И обратка действительно пришла — не сразу, но пришла: земля вздрогнула, воздух стал плотным, как вода, и даже кричать уже не хотелось, хотелось только вжаться в землю и надеяться.

Так прошёл месяц. Ритм их работы стал почти механическим: выезд — наводка — выстрел — смена позиции. Сергей Петрович ловил себя на том, что уже не думает о каждом движении, а действует на автомате, и от этого становилось не легче, а страшнее — потому что автомат не чувствует усталости, а он чувствовал. Усталость накатывала волнами, смешивалась с напряжением, с ожиданием того самого момента, когда что-то пойдёт не так.

И этот момент настал. На одном из выездов миномёт дал сбой. Первый выстрел прошёл нормально, второй — с задержкой, третий — вообще не состоялся. Механизм заело, наводка сбилась, попытки исправить ситуацию на ходу ни к чему не привели. Когда стало ясно, что орудие не восстановит в полевых условиях, расчёт собрали у командира.

— Миномёт не жалец, — сухо констатировал техник, постучав по металлу, будто проверяя, жив ли он ещё.

Людей из расчёта распределили быстро. Их, привыкших к работе в связке, раскидали по разным подразделениям. Большинство отправили в готовящееся штурмовое подразделение — туда, где нужны были крепкие руки, выносливость и готовность идти вперёд, несмотря ни на что.

А Сергею Петровичу командир посмотрел прямо в глаза и сказал:

— Ты сам решай — идти в штурму или не идти. У тебя опыт, голова на плечах, да и возраст не тот, чтобы по окопам бегать. Но тут каждый человек на счету. Если скажешь «нет» — не осужу. Если скажешь «да» — примем.

Сергей Петрович стоял, чувствуя, как под курткой липнет к спине майка, как в висках стучит кровь, и понимал, что впервые за всё это время от него требуют не просто выполнить приказ, а сделать выбор — настоящий, тяжёлый, от которого зависит не только его жизнь, но и то, каким он останется в собственных глазах. Он смотрел на своих бывших товарищей, которых уже распределяли по группам, и думал о том, что год, который казался когда-то коротким, растянулся в бесконечность, а чувство долга, с которым он уходил, теперь стало тяжёлым грузом, который невозможно просто сбросить.

Он помолчал ещё немного, потом тихо, но твёрдо ответил:

— Я подумаю.

Но в глубине души он уже знал, что долго думать не придётся.

Дом, где временно ночевал Сергей Петрович, стоял на самой окраине села — старый, но крепкий, с потемневшими от времени брёвнами и скрипучей калиткой, которая по утрам будто ворчала на весь двор. Теперь этот дом стал не просто убежищем, а временным штабом: в нём разместились две сформированные штурмовые команды — десять крепких, молчаливых парней, привыкших больше делать, чем говорить. Они заняли комнаты, расстелили спальники, разложили снаряжение так, будто собирались прожить здесь не пару дней, а целую жизнь.

Сергей Петрович всё ещё не мог до конца поверить, что оказался в этой роли. Он ходил по дому, прислушиваясь к чужим голосам, к шагам в коридоре, к тому, как кто-то тихо переговаривался на кухне. В его голове всё ещё крутились слова вчерашнего разговора с командиром: «Сам решай». И он решал — долго, мучительно, взвешивая каждый довод. С одной стороны, возраст, непривычность к штурмовым действиям, другая — чувство ответственности перед теми, кто теперь смотрел на него как на старшего, как на человека, у которого есть и опыт, и хладнокровие.

За ужином напряжение висело в воздухе. Парни ели молча, время от времени поглядывая на Сергея Петровича, будто ждали от него какого-то знака. Наконец, самый молодой из группы, парень с веснушками и беспокойными глазами, решился:

— Петрович, а ты с нами поедешь? Или останешься тут?

Все замерли. Ложки застыли над тарелками, разговоры стихли. Сергей Петрович отложил вилку, посмотрел на ребят — на их усталые, но решительные лица, на следы копоты на куртках, на ссадины и царапины, которые стали почти привычными. Он вдруг понял, что не может сказать «нет». Не потому, что обязан, а потому, что эти люди уже стали для него не просто подразделением, а чем-то вроде семьи, пусть и собранной наспех, по воле обстоятельств.

Он помолчал ещё секунду, будто давая себе последний шанс передумать, а потом кивнул и твёрдо произнёс:

— Да. Поеду.

В комнате будто разом выдохнули. Кто-то хлопнул ладонью по столу, кто-то заулыбался, а один из старослужащих, крепкий мужчина с сединой на висках, хлопнул Сергея Петровича по плечу:

— Ну вот! Где Петрович — там Победа!

Эти простые слова неожиданно согрели. В них не было пафоса — только вера, которую ему доверили, и которую он теперь не имел права обмануть.

На следующее утро сборы были быстрыми и чёткими. Ни лишних слов, ни суеты — только деловитое шуршание рюкзаков, проверка снаряжения, короткие команды. Когда все были готовы, одиннадцать человек — две штурмовые команды плюс Сергей Петрович — загрузились в потрёпанный, но надёжный «Урал». Машина вздрогнула, заурчала мотором и медленно тронулась с места, поднимая клубы пыли, которые долго ещё висели над опустевшим двором.

Путь лежал по так называемой «дороге смерти». Так её прозвали не ради красного словца — название родилось из горькой правды. На обочинах, сколько хватало глаз, стояли остовы сожжённой техники: почерневшие каркасы грузовиков, обугленные силуэты бронемашин, искорёженные остатки того, что когда-то было чьей-то надеждой на безопасный маршрут. Каждый такой силуэт был не просто металлом — он был памятью о чьём-то последнем рейсе, о чьей-то оборванной дороге.

Сергей Петрович смотрел на эти мрачные памятники войны и чувствовал, как внутри всё сжимается. Но вместе с этим приходила и другая мысль: они едут не просто так. Их задача — добраться до пункта комплектации новых штурмовых групп, пополнить ряды, стать частью чего-то большего.

Когда они прибыли на место, Сергея Петровича сразу вызвали к командиру подразделения. Тот, не тратя время на долгие приветствия, коротко обрисовал ситуацию: потери, нехватка людей, необходимость держать тылы и обеспечивать эвакуацию раненых, подвоз боеприпасов, быструю перегруппировку.

— Ты не новичок, Петрович, — сказал командир, глядя ему прямо в глаза. — У тебя голова на плечах, и ребята тебя уважают. Ставлю тебя командиром эвакуационного и резервного отряда. Будешь держать связь, координировать, вытаскивать своих, если что, и держать резерв на случай прорыва. Это не менее важно, чем идти в первую линию.

Сергей Петрович кивнул. В груди шевельнулось странное чувство — не облегчение, а скорее осознание масштаба ответственности. Теперь он отвечал не только за себя и не только за тех, кто шёл в атаку, но и за тех, кого нужно было успеть вытащить, за тех, кому нужно было дать шанс выжить.

Он вышел из штабного блиндажа, вдохнул прохладный утренний воздух и огляделся. Вокруг кипела работа: кто-то проверял ящики с боеприпасами, кто-то готовил машины к выезду, кто-то сверял карты. Сергей Петрович почувствовал, что теперь он не просто пассажир в этой войне — он стал её частью, со своей ролью, со своим долгом.

Подойдя к своим ребятам, он коротко сказал:

— Распределяемся. У меня теперь другая задача, но мы всё равно в одном строю. Держим связь, прикрываем друг друга. И помните: никто не остаётся.

Сергей Петрович со своим отрядом устроились на краю опушки. Они сидели на поваленных деревьях, чьи стволы давно потеряли кору и стали гладкими от дождей и ветров. Каждый держал оружие так, будто оно было продолжением руки, а взгляды скользили по просеке, по кромке леса, по каждому подозрительному шевелению травы — привычка, которая въелась в кровь за эти недели. Ждали багги, которое должно было доставить их до точки высадки. Время тянулось тягуче, как смола, и в этой тишине любой звук — хруст ветки, далёкий гул мотора, даже собственный вдох — казался слишком громким.

Недалеко от них, чуть в стороне, у старого пня, сидел невзрачный человек. Одет он был так же, как и все в отряде: поношенная форма, бронежилет с потёртыми лямками, перчатки без пальцев. Возраст угадывался не по седине — её почти не было, — а по тому, как он двигался: без лишней суеты, экономно, будто берег силы для чего-то важного. Он курил, держа сигарету

двумя пальцами, и дым уходил вверх, растворяясь в прохладном воздухе. Время от времени он поглядывал на группу, но без любопытства — скорее оценивающе, как человек, который привык видеть не форму, а суть.

Наконец, он затушил окурок о подошву, раздавил его носком ботинка и, чуть наклонив голову, спросил будничным тоном, будто интересовался погодой:

— Кто Петрович?

Сергей Петрович вздрогнул от неожиданности — голос прозвучал слишком спокойно для этого места. Он поднял глаза, всмотрелся в лицо незнакомца и коротко ответил:

— Я.

Мужчина чуть приподнял бровь, будто подтверждая для себя какую-то догадку, и представился:

— Я Скала.

Сергей Петрович на секунду замер, пытаясь понять, шутка это или позывной, а потом, не найдя в этом ни подвоха, ни особого смысла, пожал плечами и сказал с лёгкой иронией:

— Ну и хорошо.

Он не знал тогда, что перед ним — заместитель командира бригады, полковник, который принципиально не выделялся ни формой, ни манерой держаться. Скала ходил вместе со штурмовыми отрядами на задания, видел всё своими глазами, корректировал наступление не по картам в штабе, а по реальной обстановке, по запаху гари, по звуку шагов, по тому, как дрожит земля от близких разрывов. Для него не существовало «безопасного тыла» — был только фронт, и он держался там, где нужнее.

Тишину разорвал приближающийся рёв мотора. Из-за поворота вынырнуло багги — лёгкая, угловатая машина, собранная будто из запчастей разных эпох: корпус от одной модели, колёса от другой, каркас безопасности — самодельный, но крепкий. Оно неслось по просеке, подпрыгивая на корнях и пнях, и казалось, что вот-вот развалится, но каждый раз каким-то чудом удерживалось на ходу.

Группа встрепенулась. Бойцы подхватили рюкзаки, проверили крепления, переглянулись — в этих взглядах читалось всё: готовность, напряжение, едва уловимое облегчение от того, что ожидание закончилось. Сергей Петрович поднялся последним, отряхнул колени и на секунду задержался, будто прощаясь с этим тихим уголком леса, который на полчаса стал им почти домом.

Они загрузились быстро, без суеты: Скала сел спереди рядом с водителем, кто-то устроился на жёстких сиденьях сзади, кто-то просто держался за поручни. Сергей Петрович втиснулся в середину, чувствуя, как плечо одного бойца упирается ему в бок, а рука другого ложится на спинку сиденья — эта теснота вдруг показалась не неудобством, а чем-то вроде опоры.

Багги рвануло с места, и лес тут же превратился в мелькающую стену из стволов и ветвей. Машина неслась по проселку на большой скорости, подбрасывая людей на ухабах, заставляя крепче хвататься за всё, что попадалось под руку. Каждый удар подвески отдавался в костях, каждый поворот заставлял сердце замирать на долю секунды. Но никто не жаловался — это была цена скорости, а скорость сейчас значила больше, чем комфорт.

Просёлок петлял между деревьями, то выходя на открытые участки, то снова ныряя в тень леса. Воздух врывался в салон, смешиваясь с запахом бензина, пыли и металла. Сергей Петрович смотрел вперёд, на спину водителя, на дорогу, которая становилась всё более разбитой, и чувствовал, как внутри нарастает привычное напряжение — смесь тревоги и сосредоточенности, которая помогала не думать о том, что ждёт впереди.

Водитель сбавил скорость, осторожно лавируя между препятствиями, и Сергей Петрович вдруг понял, почему эту дорогу называли «дорогой смерти». Это было не преувеличение и не

пафос — это была констатация факта, горькая и точная. Каждый метр здесь хранил чью-то историю, чей-то последний путь. И теперь они сами становились частью этой истории.

Точка высадки приближалась. Багги сделало ещё несколько резких поворотов, объезжая особенно крупные обломки, и наконец остановилось у неприметного съезда, заросшего кустарником. Группа выгрузилась быстро, привычно, словно повторяя заученный до автоматизма ритуал.

Сергей Петрович стоял, оглядываясь по сторонам, и вдруг почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Он обернулся и увидел Скалу — тот стоял чуть в стороне, наблюдал за тем, как отряд занимает позиции, как распределяются задачи, как каждый находит своё место в этом новом, ещё не до конца понятном пространстве.

— Давайте поживее, рассредоточились и вперёд, — сказал Скала.

Каждый уже знал своё место в этом негласном строю. Кто-то ушёл левее, прикрывая фланг, кто-то держался ближе к Сергею Петровичу, образуя ядро отряда, а пара бойцов ушла вперёд — на разведку, чтобы проверить, нет ли засад на подходе. Шаги старались глушить: наступали на мох, обходили сухие ветки. Лес будто прислушивался к ним — и они отвечали ему такой же настороженной тишиной.

До позиции оставалось полтора километра. Расстояние, которое в обычной жизни можно пройти за двадцать минут бодрым шагом, здесь растягивалось в вечность. Каждый метр требовал внимания: проверить, не натянута ли проволока, не блестит ли где-то металл, не лежит ли на тропе что-то неестественно ровное. Сергей Петрович шёл в середине группы, держа темп — не слишком быстрый, чтобы не загнать людей, но и не медленный, чтобы не дать усталости взять верх.

Ещё за день до выезда он собрал всех в том самом сельском доме, где они ночевали, и коротко, без лишних слов, дал распоряжение:

— Берём минимум вещей. Всё, без чего можно прожить сутки, оставляем. Обязательно — вода и несколько шоколадок. И не спорьте: вода даст силы, шоколад — быструю энергию, когда мышцы начнут гореть.

Тогда кое-кто переглянулся, кто-то едва заметно скривился — казалось, что лишние полкило не сыграют роли. Но сейчас, когда каждый шаг давался тяжелее предыдущего, эти слова вспоминались с благодарностью. Правда, не все прислушались до конца. Сергей Петрович замечал, как некоторые бойцы, стиснув зубы, сбрасывали с плеч то, что ещё вчера казалось необходимым: лишнюю флягу, запасной магазин, даже тёплый свитер, который теперь казался непосильной роскошью.

Они несли не только личное снаряжение. На себе, в рюкзаках, на импровизированных носилках — всё, что нужно было передать сменяемым группам: ящики с боеприпасами, сухие пайки, медикаменты, аккумуляторы для раций. Ящики были тяжёлыми, неудобными, углы врезались в плечи, ремни врезались в кожу, но бросать их было нельзя — это значило оставить товарищей без самого нужного.

Один из молодых бойцов, тот самый с веснушками, шёл рядом с Сергеем Петровичем, сжимая лямки ящика так, что побелели костяшки пальцев. Он споткнулся о корень, едва не упал, но удержался, только глухо выругался сквозь зубы. Сергей Петрович тут же оказался рядом, не хватая за руку, но держась так, чтобы в случае падения успеть подхватить.

— Поставь на колено, — тихо сказал он. — Перекинь ремень, дай плечам отдохнуть.

Парень послушался, опустил ящик, выдохнул, будто из него разом вышел весь воздух, и на секунду замер, закрыв глаза.

— Прости, Петрович... не рассчитал...

— Ничего, — так же тихо ответил Сергей Петрович. — Здесь все не рассчитывают. Главное — не бросать. Пять секунд отдыха — и дальше.

Через полчаса группа вышла к условленному рубежу. Позиция пряталась в низине, окружённой старыми соснами, чьи нижние ветви почти касались земли, создавая естественный навес. Здесь уже ждали. Штурмовики, которые стояли тут последние дни, выглядели измотанными: лица в копоти и грязи, глаза уставшие, но цепкие, сразу сканирующие каждого вновь прибывшего. Они не бросались обниматься и не сыпали приветствиями — здесь приветствием было дело.

Смена прошла быстро и чётко, как отработанный механизм. Бойцы передавали друг другу карты, показывали свежие отметки, шептали координаты, указывали на подозрительные участки, где недавно замечали движение. Сергей Петрович слушал, кивал, запоминал каждую деталь: где слышны шаги, где затихли птицы, где земля будто стала «чужой» — такой, по которой кто-то недавно ходил.

Когда формальности были улажены, сменяемые штурмовики начали собираться. Они уходили быстро, почти бегом, будто боялись, что если задержатся хоть на минуту, усталость окончательно их скрутит. Один из них, старший группы, задержался рядом с Сергеем Петровичем и тихо, почти одними губами, произнёс:

— Тут тихо слишком. Слишком. Держи ухо остро.

И ушёл, растворяясь среди деревьев, оставляя после себя только лёгкий запах пота, пороха и чего-то неуловимо горького — запаха долгого ожидания.

Сергей Петрович остался стоять на новом месте, оглядываясь по сторонам, привыкая к этому пространству, к его звукам и запахам. Его отряд рассредоточивался по позициям, занимая места, проверяя сектора обстрела, налаживая связь. Кто-то уже копал неглубокие норки, кто-то маскировал ящики с боеприпасами ветками, кто-то настраивал рацию.

Он подошёл к одному из бойцов, который как раз распаковывал паёк, и кивнул на шоколадку в его руке:

— Не съдай сразу. Раздели на три раза. Силы береги.

Тот улыбнулся устало, но благодарно:

— Как скажете, Петрович.

Сергей Петрович не стал поправлять: не «как скажете», а просто «делай, как надо». Здесь не до церемоний. Он отошёл к краю позиции, где деревья расступались, открывая вид на просеку, и замер, прислушиваясь. Лес шумел, но в этом шуме нужно было услышать лишнее, чужое, опасное.

Теперь это была их позиция. Их рубеж. И от того, насколько внимательно они будут смотреть, слушать и помнить, зависело не только их собственное выживание, но и то, смогут ли они удержать этот кусок земли до следующего приказа. Сергей Петрович глубоко вдохнул холодный воздух, почувствовал, как он обжигает лёгкие, и понял: отдых закончился. Началась работа.

Скала собрал командиров отрядов в небольшой ложбине, укрытой со всех сторон густыми зарослями орешника. Здесь было тише, чем на открытой местности, и ветер не разносил голоса по округе. Он не стал разводить долгих речей — говорил коротко, рублеными фразами, будто вбивал в сознание каждое слово:

— Рассредоточиться по ширине, держать визуальный контакт. Друг друга видеть — это главное. Под ноги смотреть внимательно: мины, «лепестки», «лампочки», растяжки. Всё, что может оторвать ногу или руку, здесь лежит не для красоты. Выйти на окраину леса и занять позиции. Без суеты, без геройства. Работаем как единый механизм.

Он обвёл взглядом командиров, задерживаясь на каждом, словно проверяя, дошло ли сказанное до самого нутра. В его голосе не было ни гнева, ни пафоса — только холодная уверенность человека, который знает цену каждой ошибке.

Сергей Петрович стоял чуть в стороне, слушая и одновременно прокручивая в голове предстоящий маршрут. Он представлял, как его группа будет двигаться между деревьями, как бойцы будут проверять каждый шаг, как важно не потерять друг друга из виду. В груди шевелилось знакомое напряжение — не страх, а острая сосредоточенность, когда все чувства будто натягиваются, как струны.

Через полчаса отряды выдвинулись. Двигались осторожно, шаг за шагом, проверяя каждый метр земли. Впереди шли разведчики, за ними — основные группы, рассредоточенные так, чтобы между бойцами оставалось не больше двадцати метров, но при этом сохранялся визуальный контакт. Сергей Петрович шёл в середине своей группы, прислушиваясь к каждому шороху, к каждому хрусту ветки под ногой. Он то и дело останавливался, поднимал руку — и вся группа замирала, сливаясь с лесом, становясь почти невидимой.

Достигнув назначенной точки, бойцы начали занимать позиции: кто-то устраивался за поваленным стволом, кто-то копал неглубокую ячейку, прикрывая её ветками, кто-то маскировал ящики с боеприпасами. Всё делалось быстро, но без суеты — каждый знал, что спешка здесь может стоить жизни.

И в тот самый момент, когда последние бойцы заняли укрытия, небо над лесом будто раскололось. Вмиг стали увеличиваться точки квадрокоптеров противника — они появлялись из-за кромки леса, зависали, кружили, выискивая малейшее движение. Их жужжание было тихим, почти незаметным на фоне ветра, но именно эта тишина пугала больше всего.

Почти сразу начались миномётные обстрелы. Удары ложились не наугад — дроны корректировали огонь, и каждый следующий разрыв был ближе к позициям. Земля вздрагивала, комья грязи и хвои летели во все стороны, воздух становился плотным, тяжёлым, пропитанным запахом гари и сырой земли.

А потом заговорил вражеский танк. Его выстрел прорезал сосновый лес насквозь, будто гигантский нож прошёл сквозь рощу. Дерево, стоявшее на пути снаряда, не просто упало — оно разлетелось на куски, щепки разлетелись веером, впиваясь в стволы соседних деревьев. Звук был оглушающим, он не просто ударял по ушам — он проникал внутрь, отдаваясь в груди, в висках, в каждой клетке тела.

Где-то у дороги заработал вражеский пулемёт. Его очередь была длинной, злой, она рвала воздух, заставляя прижиматься к земле, зарываться в мох и хвою, становиться частью почвы, чтобы не стать мишенью. Пули секли стволы, сбивали кору, превращали ветки в щепки.

Лес на точке менялся на глазах. Ещё недавно здесь стояли высокие сосны, их кроны сплетались над головами, создавая полумрак и укрытие. Теперь же от деревьев остались лишь обрубки стволов — по три, иногда по два метра в высоту. Они торчали, как чёрные палыцы, указывая в небо, будто взывая к чему-то, чего уже не было. Ветви были срезаны, хвоя осыпалась, и земля покрылась слоем иголок и щепок, перемешанных с грязью и пылью.

Сергей Петрович лежал за поваленным деревом, прижимаясь к земле, и смотрел вперёд, туда, где над кромкой леса снова кружил дрон. Он чувствовал, как под бронежилетом липнет к спине майка, как в висках стучит кровь, но мысли оставались чёткими. Он перевёл взгляд на своих бойцов — они держались, не паниковали, занимали укрытия, проверяли оружие, переговаривались короткими, понятными взглядами.

Один из бойцов, тот самый молодой с веснушками, прижался к земле рядом с ним, прикрывая голову руками, но не теряя из виду автомат. Он поднял глаза на Сергея Петровича, будто ища подтверждения, что всё будет в порядке. Сергей Петрович едва заметно кивнул, показывая, что держит ситуацию, что они не одни, что есть план.

— Держимся, — прошептал он, скорее для себя, чем для парня. — Держим позицию. Сейчас главное — не поддаться панике. Они бьют по площадям, ищут движение. Мы — не двигаемся.

В этот момент очередной миномётный разрыв ударил совсем близко. Земля под ними дрогнула, воздух наполнился пылью, и на несколько секунд всё вокруг исчезло в серой пелене. Когда пыль осела, Сергей Петрович снова огляделся. Лес стал другим — не просто поредевшим, а изуродованным. Но позиция держалась. Его отряд держался.

Он достал рацию, тихо, почти шёпотом, передал обстановку:

— Петрович на связи. Позиция удерживается. Противник ведёт огонь с корректировкой дронов. Танк работает по квадрату. Потерь нет. Ждём дальнейших указаний.

Ответ пришёл не сразу — помехи рвали слова, но в конце концов сквозь треск пробился голос Скалы:

— Петрович, держи позицию. Не высовывайся. Мы готовим ответ. Держите связь.

Сергей Петрович убрал рацию и снова посмотрел вперёд. Дрон всё ещё кружил, выискивая цель. Но теперь он знал: они не просто выживают. Они держат рубеж. И пока они здесь, никто не пройдёт.

Первые числа декабря. Холод пробирался под одежду, будто знал самые уязвимые места, и цеплялся за тело, не отпуская ни на минуту. Дождь со снегом хлестал по лицам, смешивался с грязью, превращая землю в вязкую, неподатливую жижу. Капли стекали по каске, затекали за воротник, пробирались к коже, и казалось, что согреться уже невозможно — холод стал не погодой, а состоянием, частью каждого вдоха, каждого движения.

Перестрелка то затихала, то вспыхивала с новой силой, и, порой, Сергею Петровичу казалось, что она не закончится никогда. Она стала фоном, привычным шумом, в котором они жили: под этот грохот засыпали, под него просыпались, под него проверяли оружие, делили последние крошки, шептали друг другу короткие, но важные слова. Сон был рваным, как простреленная ткань: несколько минут тишины — и снова свист, удар, команда.

Ночь накрыла позиции тяжёлым, плотным покрывалом. Мороз не кричал, не бил в лицо — он подкрадывался тихо, исподволь, пробираясь сквозь промокшую ткань, цепляясь за кожу, сковывая мышцы. Сергею Петровичу хотелось просто закрыть глаза и провалиться в темноту, забыть на несколько часов про свист пуль, про гул дронов, про каждый шорох, который теперь казался шагом врага. Но сон не шёл. Ноги ломило так, будто в каждую мышцу вонзились тысячи мелких игл, и это ломота была не просто усталостью — она кричала о холоде, о сырости, о том, что тело больше не справляется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.